

Ненависть подобна изношенным лохмотьям, что прилипли к подолу роскошного одеяния: не отцепить, не отстирать.

*

В чаще леса слышался шорох, тихо перекликались птицы.

Когда край неба окрасился в нежный оранжево-красный цвет, Гу Ци закончил свою короткую вылазку за пропитанием.

В этот раз исследование прошло куда успешнее, но планета была настолько необъятной, что Гу Ци, используя в качестве верхового животного Иньцзя, успел осмотреть лишь крошечный клочок земли. Он сидел в объятиях Иньцзя и вернулся только к закату. Низшие насекомоподобные, следовавшие за ним, тоже вернулись с добычей, успев к тому же плотно пообедать прямо в поле.

Закатные лучи заливали каменные стены, и Гу Ци, скрестив руки на груди, с гордостью оглядывал свой маленький дом.

Листья, разложенные вместо ковра, устилали весь пол, нанизанное на ветки у входа в пещеру вяленое мясо начало подсыхать, на каменном столе разной высоты красовались свежие ягоды, а рядом лежала рыба, которую недавно выловили из воды и оглушили.

Протянув руку, Гу Ци принял у гигантского светляка пучок нежной ряски и положил на шершавую поверхность стола:

— Инши, дай-ка немного света?

Получив команду, Инши приподнялся, и под его розовой грудью тут же вспыхнуло холодное мерцание, озарившее погружавшуюся в сумерки пещеру — в этот момент огромные размеры насекомого оказались как нельзя кстати.

Гу Ци кивнул, обвел взглядом своих рыцарей и внезапно заметил, что одного силуэта не хватает:

— Куда делся Шилу?

Шилу был тем самым бархатным муравьем с черно-красным мехом. Имя он получил от Матери Насекомых из-за того, что красный оттенок на его теле был почти неотличим от граната. Сам муравей остался в полном восторге и, получив имя, вырвал пучок красной мягкой шерсти со своей груди, чтобы преподнести Гу Ци в качестве подарка.

В следующее мгновение кончик крыла Иньцзя нежно коснулся макушки Гу Ци, заодно стряхивая с его сердца тревогу.

— Ну и хорошо, — пробормотал он.

Когда взгляд Гу Ци сфокусировался на вернувшемся муравье, он хлопнул в ладоши и не удержался:

— Шилю, ты меня понимаешь с полуслова!

Иньцзя задними лапами прижал плоскую деревяшку, Гу Ци подался вперед, прижал тонкую палочку к углублению и принялся тереть ее ладонями. Несмотря на слой мягких листьев, грубая палка все равно терзала нежную кожу новорожденного Матери Насекомых, и когда наконец показалась искра, ладони Гу Ци горели от красноты.

Царапины на хвосте еще не зажили, а на ладонях добавились новые ссадины. К счастью, огонь разгорелся, и мучения не были напрасными.

Снова слышалось мягкое хлопанье крыльев.

Иньцзя похлопал крыльями, показывая, что понял.

Серебристо-серый звездолет летел сквозь безбрежный космос. Путь мимо черной дыры повлиял на сигналы, и флот Иньцзя чуть было не сбился с курса в бескрайнем небе, но, к счастью, Лусыэнь смог найти верное направление, ориентируясь на прерывистую ментальную связь, исходящую от Матери Насекомых.

Гу Ци отсчитал про себя триста секунд, прежде чем поднести ко рту чашу с водой, в которой была размешана измельченная ряска, и принялся пить маленькими глотками.

— Господин, кажется, это здесь.

Затем он соорудил из веток некое подобие подставки и разложил на ней несколько речных моллюсков.

— А это опасно?

В то же время за спиной Гу Ци длинные крылья Иньцзя недовольно задрожали — ведь это должна была быть его заслуга!

Запад звездного сектора Инсект.

Ряска содержит множество микроэлементов и может временно заменить соль, необходимую человеческому организму, хотя на долгий срок это не рекомендуется. Ради здоровья Гу Ци решил через пару дней поискать в джунглях крупных травоядных: возможно, следуя за ними, удастся найти небольшое соляное месторождение.

Он прекрасно понимал, насколько хрупко его нынешнее тело, и старался защитить себя всеми

способами, чтобы избежать непредвиденных случайностей.

— Опасности ведь нет, правда?

В этот момент у входа в пещеру послышался шорох.

Гу Ци обернулся и увидел, как бархатный муравей, освещенный лунным светом, медленно тащит что-то большое и черное.

Черноволосый Мать Насекомых посмотрел на Иньцзя, занимавшего положение лидера:

— Хуанцзинь, ты знаешь, куда делся Шилу?

Тот пучок мягкой шерстки до сих пор лежал у Гу Ци под подушкой, хотя Иньцзя уже давно тайком подменил его на свою собственную шерсть.

Вскоре Гу Ци сложил целую охапку нежной ряски на ветки, поджаривая ее на огне, пока она не стала темно-зеленой и хрупкой, а затем, положив на заранее очищенную раковину моллюска размером с лицо, принялся понемногу толочь ее птичьей костью, добавляя немного воды и медленно доводя до готовности.

Получив подтверждение, Гу Ци продолжил работу под присмотром низших насекомоподобных. Орхидейный богомол своими конечностями обтесал сухие деревяшки до формы палок и дощечек, а Гу Ци твердой птичьей костью проделал углубление в тонкой доске, чтобы в него можно было упереть острие палки.

Апу, коротко стриженный парень, держал в руках планшет с картой распределения планет западного сектора Инсект. Его палец замер на самой западной окраине, почти за пределами сектора:

— По нашим предварительным расчетам, Мать Насекомых должен находиться на Планете №062 — неисследованной, первобытной планете.

— Планета №062, значит... — Лусыэнь постучал пальцем в черной кожаной перчатке по надбровной дуге, погрузившись в раздумья. Внезапно он спросил: — Апу, если первый человек тебя обманул, а второй предал, что ты сделаешь, когда встретишь третьего?

Будучи доверенным лицом и правой рукой Лусыэня, Апу лишь на миг опешил, но тут же опустил голову:

— Посмотрю, как третий человек будет относиться ко мне.

Лусыэнь слегка нахмурился, явно не разделяя ответа Апу. Не говоря прямо, хорошо это или плохо, он произнес:

— Ты слышал историю о джинне в бутылке?

— Слышал, — ответил тот. Это была древняя притча.

— Так вот, мой выбор был бы таким же, как у джинна.

— Значит, господин, вы бы...

— Убил его, — или взял бы его под полный контроль.

В решительном тоне сквозила холодная жажда убийства. Апу увидел в глазах Лусыэня мрачную, ледяную эмоцию, и услышал, как этот Высший насекомый добавил:

— Я не позволю обвести себя вокруг пальца трижды.

Сказав это, Лусыэнь посмотрел в панорамное окно главного командного отсека. С тех пор как он отправился в путь, он перестал видеть четкую смену дня и ночи, наблюдая лишь вечно меняющиеся в мгновение ока звезды. Мужчина с длинными серебристо-белыми волосами стоял у окна, его взгляд пронзал туманности, словно мог в одночасье достичь другого края света.

Он внезапно вспомнил, как недавно, пролетая мимо черной дыры, уловил прерывистые сигналы — это был призыв о помощи, полный растерянности, исходивший от незнакомого голоса. В голове он «услышал»:

[Нет... одежды...]

[Голоден...]

[Надеюсь... в безопасности...]

Голос был чужим, довольно звонким, но Лусыэнь в момент осознал, кому он принадлежит — это была ментальная связь, исходящая от Матери Насекомых. С одной стороны, он был поражен тем, что новорожденный Мать обладает столь мощной силой, с другой — чувствовал отвращение к этому зову, проникавшему в мозг Высшего насекомого. Это заставляло его вспомнить войну и мятежи, начавшиеся несколько лет назад из-за предыдущего Матери.

В полудреме, глядя на космос за окном, Лусыэнь почувствовал, что снова что-то слышит, но теперь гораздо отчетливее:

[Молодец!]

[Шилю, ты меня понимаешь с полуслова!]

Тц.

Губы Лусыэня вытянулись в тонкую линию. Ему было все равно, кто такой Шиллю, но сам тон, полный похвалы, вызвал у него лишь желание посмотреть, чем все это закончится.

Как Высший насекомый, переживший правление предыдущего Матери, Лусыэнь считал их лицемерными, переменчивыми и глупыми. Он признавал, что его неприязнь к новому Матери отчасти была продиктована прошлым опытом, и, возможно, это было несправедливо — но какая разница?

Лусыэню было все равно. Ненависть может быть тяжелой, как гора, или легкой, как пух, но у них есть общая черта: она отравляет. Когда он думал о том, что где-то там Мать Насекомых радуется своим мелким радостям, Лусыэнь чувствовал лишь холод.

В эпоху без Матери Лусыэнь знал времена расцвета, в эпоху с Матерью он прошел через дым сражений и смерть. Ни он, ни Айвэй, ни Ангес, ни кто-либо другой из его друзей не хотел снова оказаться под контролем Матери, став марионетками, калечащими друг друга.

Мать Насекомых — это ядро всей расы, но он же может привести весь улей к гибели.

Такой слабости не должно было существовать. Лусыэнь часто ловил себя на мысли: неужели боги, создавая подобное существо, хотели подшутить над всей расой насекомых, устроив розыгрыш с непредсказуемыми последствиями?

В этот момент подчиненный с папкой документов прервал его раздумья:

— Господин, согласно сканированию и расчетам, мы обнаружили, что на Планете №062...

Лусыэнь махнул рукой:

— О других деталях планеты докладывать не нужно. Мне важно знать только точное местоположение Матери.

Все остальное не имело значения. Он не хотел вникать в подробности, у него была лишь одна цель, которая не менялась: устранить Мать Насекомых.

Подчиненный, чей доклад прервали, замер. Он посмотрел на экран, где была открыта лишь половина страницы, и слово, наполовину скрытое краем окна, походило на «вулкан». Впрочем, наличие вулканов на первобытной планете не было чем-то необычным. Он молча проглотил слова, погасил экран и сказал:

— Понял, господин! Мы продолжим уточнять координаты!

— Хм.

Лусыэнь снова посмотрел в даль космоса. Его мысли устремились вдаль, а воспоминания начали ускользать.

И не только Лусыэнь поступил так. Айвэй и Ангес, приближавшиеся к западному сектору Инсект, тоже не собирались вникать в данные о Планете №062. Для них целью было лишь устранение новорожденного Матери, а состояние планеты их не интересовало.

Подобно богам, взирающим с вершин облаков на муравьев, они были горды, холодны и высокомерны. Их не заботило, что происходит на планете, их интересовало лишь то, где находится цель.

Высшие насекомые еще не знали, что в недалеком будущем их ждет безумие, вызванное этой самой гордыней.

Тем временем на Планете №062...

Гу Ци с довольным видом ерошил голову бархатного муравья:

— Шилю, ты просто ангел!

Вслед за Шилю плелся робкий черный паук. Несмотря на огромные размеры и свирепый вид, которые должны были делать его грозным боссом, сейчас он вел себя как застенчивая девочка.

Гигантский паук был по натуре замкнутым, но очень слушался Матери. Стоило Гу Ци намекнуть, что ему нужно, как паук выпустил из брюшка пучок молочно-белой паутины — тонкой, но прочной. Гу Ци смотал ее в клубок и положил на каменный стол сушиться.

Каждое из низших насекомых здесь добровольно подчинялось крошечному Матери, которого они могли бы раздавить одним движением лапы.

— Быть окруженным жаждой убийства Высших насекомых и добровольным подчинением низших — вот в каком состоянии находился новорожденный Мать.

Гу Ци не боялся насекомых. Он протянул руку, погладил паука по голове и слегка улыбнулся:

— Спасибо.

В это время моллюски, жарившиеся на огне, раскрылись. Их мясо было бледно-розовым и пахло тяжелым, затхлым рыбным душком — запах был неприятным, но это позволяло хотя бы временно утолить голод.

Гу Ци подозвал своих «здоровяков» и, словно учитель, раздающий угощения, выделил каждому по маленькому кусочку мяса. Кусочки были крошечными, едва на один зуб — насекомых

совершенно не интересовала еда из рук Матери, но, увидев эти серьезные черные глаза, они склонили свои огромные головы, пробуя то, чего никогда раньше не ели.

— Невкусно.

Это было общее мнение Иньцзя и остальных.

Иньцзя посмотрел на маленького Матери, который осторожно выбирал белое мясо моллюска, и пододвинул к нему свежие ягоды со своих конечностей — красные и желтые, они выглядели куда аппетитнее, чем белое мясо.

Гу Ци взглянул на них:

— Позже, мне нужно восполнить запас белка.

Мясо моллюска не имело никаких приправ и отдавало речной тиной и илом. Вкус был так себе, но Гу Ци и не надеялся на деликатесы в условиях дикой природы — он просто пытался выжить.

Ощущая, как жует нечто безвкусное, он понял, что необходимо найти какие-то специи, иначе он не выдержит такой диеты. Гу Ци погладил свой плоский живот, гадая, выдержит ли хрупкое тело Матери такую «дичь». Если нет... он не хотел представлять, что будет, если у него заболит живот.

После ужина за стенами пещеры уже сияла полная луна. Красные полоски мяса, развешанные у входа, начали подсыхать, но это был не лучший способ хранения. Гу Ци подумал, что завтра можно попробовать сделать копченое мясо — так оно пролежит дольше.

Осмотрев пещеру и не найдя больше развлечений, скучающий Гу Ци, закутавшись в широкий лист, забрался на брюшко бархатного муравья. Шилу стал его личным матрасом — привилегия, доступная только Матери. В прошлой жизни Гу Ци и представить не мог, что будет спать на брюхе бархатного муравья.

Иногда на пару секунд ему казалось, что он всегда был частью этого вида, иначе как бы он так естественно привык к такой жизни?

Гу Ци лежал на боку, его немощный розовый хвост слегка подрагивал, а верхняя часть тела была укутана листом, словно юбкой.

Черноволосый юноша погладил свой хвост, глядя на свои тонкие, лишенные силы запястья. Он вдруг почувствовал грусть. Хотя долгое время он ненавидел изматывающие тренировки, нельзя было отрицать: именно эти дьявольские курсы позволили ему получить относительную свободу и навыки самообороны в Первой военной академии Лайтисы.

Когда-то он приложил огромные усилия, чтобы подняться из трущоб до первого эшелона, но, попав туда, понял, что между ним и аристократами лежит пропасть. Его старания высмеивали, называя лишь способом выслужиться, а его успехи всегда окрашивались в дурные тона из-за косых взглядов окружающих...

Аристократы пытались подавить его талант сплетнями, но в итоге лишь вырастили белую розу с шипами, вышедшую из трущоб.

Гу Ци ждал окончания учебы, но вместо выпускного его ждало проваленное задание, взорвавшееся фейерверком в космосе.

— Эх... — Мать Насекомых потянулся на спине муравья и тихо прошептал: — Спокойной ночи.

Ему нужно смотреть вперед.

Дикая ночь всегда полна неизвестных опасностей. Крупные звери, ведущие ночной образ жизни, рыскали в джунглях, напуганные птицы издавали резкие крики в лунном свете, далекие горы содрогались... Животные на Планете №062 словно находились в состоянии тревоги, будто заранее получили некое дурное предзнаменование, но из-за невозможности сбежать лишь предавались отчаянию.

На другой стороне джунглей, в горной гряде, из трещин в черной, потрескавшейся земле поднимались клубы едкого дыма. Раскаленная красная лава медленно текла по каменным расщелинам, раскаляя воздух над горами до предела — здесь практически не было признаков жизни.

На Планете №062 было множество активных вулканов, можно сказать, что 80% планеты занимали вулканы. Если однажды эти связанные между собой вулканические группы придут в движение, последствия будут катастрофическими — они уничтожат все живое. Даже насекомые, известные как боевые машины, не смогут уцелеть при таком извержении.

Это тоже было то, о чем беспокоился Гу Ци.

Но, очевидно, помимо вулканов, еще до восхода нового солнца возникла более насущная проблема: затяжной дождь, смешанный с холодным ветром. Все вокруг покрылось влагой, земля отсырела, и мох в лесу издал довольный вздох.

Глубокий зеленый цвет, казалось, был подавлен дождем и туманом, тяжело ложась на сердце Гу Ци — так же, как и погода за пределами пещеры, и его собственное неважное состояние здоровья.